

Союз российских писателей образовался после распада Союза писателей СССР в 1991 году. В Алтайском крае представительство этого творческого объединения появилось в декабре 2004 года, его основателем был Михаил Вячеславович Гундарин, филолог, кандидат философских наук, выпускник МГУ. Кроме него, в СРП вступили журналист Владимир Токмаков и филолог

Фарида Габдраупова. Объединяла нас многолетняя дружба и то, что все мы учились в Алтайском государственном университете. Были мы уже зрелые, заметные и не успевшие влиться в ряды Союза писателей России. За двадцать лет наш союз пополнился еще одиннадцатью членами. Мы — люди разных профессий, и каждый из нас интересная творческая личность. Возможно, поэтому, что первые члены СРП в крае были известны как поэты, в нашей организации больше именно стихотворцев. Рады представить наших авторов на страницах «Культуры Алтайского края».

Фарида Габдраупова

Ольга Родионова

Что я за воин, если боюсь сражений?
Что я за птица, если боюсь полёта?
Бедность моих глаголов, надрыв спряжений —
Пыльный чердак, выцветшие полотна.

Вот на картине лужи в размокшей глине,
Чёрная птица (тушь), колея, дорога.
А на другой картине — рассвет в пустыне,
Ты на рассвете, город в ладони Бога.

Ты на рассвете, в клочья порвав тетради,
Силишься те клочки — да к сердечным дырам.
(Уголь, белила) — спи уже, Бога ради! —
Рукописи горят, небо воняет дымом.

Кружит душа, как воробей, над телом.
(Тушь, акварель, картон), фронтовые сводки.
Тянешься отыскать в себе, угорелом,
Что-нибудь больше пули и слаще водки.

Эк занесло — точно топор над плахой!..
Тщишься проклясть все, что для смертных свято.
Бедный, сидишь, завесив лицо рубахой, —
Чёрный зрачок не хочет белого света.

Вроде бы, жив. Вроде бы, весел. Вроде —
Ходишь (картон, гуашь), принимаешь пищу.
А в голубой дали, в городской утробе,
Там, где (асфальт, мелки) отголоски бродят,
Дочка твоя — ангельское отродье —
Крупные закорючки в тетради пишет.

когда они уходят на войну
луна в зрачке колеблется плывёт
и вздрогнув окунается в луну
оборванный китайский поплавок

ловить ловить рукав держать в руках
ещё минуту сбивчиво шепчет
когда они уходят в облаках
с винтовками у левого плеча

дробится в стёклах пролитый зрачок
висит не дотянись уже рука
когда внутри впивается крючок
и держит не колебля поплавок

прощание славянки для и для
труба труба труба прости тону
под нами ли земля постой земля
когда они уходят на луну

Как некстати, поверишь ли, осень у нас холодна!
Всё ужасней обломки — насмешка седого прилива.
И не вычерпать весь океан до туманного дна,
Обнажив расстоянье, что посуху преодолимо.

Чем похвастать? Уловом? Но скуден и жалок улов.
Ни салаки, ни хищных тунцов, ни сельдей, ни макрели.
Нынче волны да ветер играют обрывками слов —
Расплываются строчки, и письма твои отсырели.

Может, вахтенный твой встрепенётся и крикнет: «Земля!..»,
Может, ахнет соседский мальчишка: «Вернулись! Встречайте!» —
Только вряд ли, майн либер, ведь крысы бегут с корабля,
А пустынную пристань лишь я охраняю да чайки.

Эти чайки простуженным горлом тревожат рассвет —
И рассвет наступает, туманом и плесенью тронут.
О, мы встретимся — там, в том краю, через тысячу лет, —
Где отец мой играет на дудке, а крысы не тонут.

Наталья Николенкова

ФРЕЗИ ГРАНТ

Несладкий труд — по суше бегать,
Ища, где же жестче и больней.
Достать могилу из-под снега
И чёрный хлеб сломить над ней.
На белом свете мало света,
И мёртвый — жив, и вечный — мёртв,
И людям не понять поэта,
Но чёрный ворон всё поймёт.
Какие праведные лица!
А звёзды источила ржа.
Здесь невозможно поселиться,
Но так легко переезжать.
И, вырываясь, как из морга,
Из мира, где душа — изгой,
На ласковую спину моря
Ступить израненной ногой.

Знаешь, город совсем опустел.
Все пирожные зачерствеют.
Ощущений моих беспредел
Бьёт, как током, как музыкой, греет.

В жилах пламя и пар изо рта.
Дождь смывает остатки коросты.
И стою под водой без зонта,
Как земля. Как подросток.

Сердце заплети — и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звёзды на груди,
На асфальте Павловского тракта.
Полюби меня, повелевай,
Помоги замёрзнуть и согреться.
Баю-бай, мой ангел, маю-май!
Положи мне голову на сердце.

Владимир Токмаков

РОМАНС

Вот так однажды без причины
Я утром серым не проснусь,
И по верёвке очень длинной
На небо павших заберусь.

Что будет сном моим последним?
Надеюсь, тот волшебный час,
Когда под ливнем мощным, летним,
Судьба испытывала нас.

Мы ссорились. Но дождь летящий
С небес стеною водяной
Загнал нас под карниз гремящий
Своей надеждой жестяной.

Я осторожно сжал в объятьях,
Забыв про ссору и скандал,
Дрожащую, в промокшем платье,
Ту, что господь навеки дал...

ЛИТУРГИЯ ОГЛАШЕННЫХ

Прячет речка озябшие воды
в рукава свои. Здесь тишина
заросла толстым слоем природы,
и деревья — древесные оды —
заучила на память весна.

Я иду по забытой тропинке
царства вымерших добрых зверей.
А у солнца — период линьки,
и валяются половинки
отвалившихся старых лучей.

Я пришёл в этот лес раствориться,
слиться с ним, позабыть, кто я есть,
чистой влаги забвенья напиться, —
чтобы в небе увидеть лица —
и услышать благую весть!

Тот, кто хочет быть найденным, должен
потеряться как можно скорей.
Пусть мне в этом природа поможет, —
отыщи меня, истинный Боже! —
Я хочу быть находкой твоей.

Летит трамвай пустым проспектом,
и я уже не знаю сам,
Следит ли кто-то за объектом,
Когда он плачет по ночам...

Когда я думаю о вечном,
Я знаю точно, наперёд:
Ночной порой, в трамвае встречном,
Лицо знакомое мелькнёт.

Я вскину брови удивлённо,
Но мой вагон уже прошёл:
С кем там двойник мой заоконный?
И что за ревности укол?

Куда он едет, что достигнет,
Удачливый и молодой,
Какая страсть его настигнет?
Та, что случилась не со мной?

Быть может, он там настоящий,
А я как тень его живу?
И если вдруг проснётся спящий,
То я исчезну наяву?!

Фарида Габдраупова

Хорошо, когда в доме роятся дети.
 Вот обидел, к примеру, какой-то мужчина.
 Дело ясное — выброс высокомерья.
 «Я достоин лучшей, найду моложе...»
 И пошёл себе гордо покорять другую.
 Ну и что теперь делать? — С моста и в речку?
 Нет! С утра обязательно варим кашу,
 Нарезаем туда зелёных яблоч,
 А ещё хорошо — кисель с компотом.
 А ещё подумать, какое тесто
 Заведём для стряпни — блины-оладьи.
 А мужчина? Да ладно, простим беднягу,
 У него и без нас житье не сахар:
 То инфаркт, то инсульт, то война какая...
 В общем, дети, дети — спасенье наше!

А думала я, что душа моя — бездна,
 Ничто не заполнит её до края.
 Тяжёлой, густеющей, бесполезной
 Любовью затоплена! Дорогая,
 Холодная ноша.

Влюблённость — крах, рыдания и всхлипы!
 И объяснялось до смешного просто.
 (Всё это было — выдумка и липа,
 Неудержимость гейзера и дурость.)
 Была я слишком маленького роста
 Для тех высот, к которым я тянулась.

Не бойся меня, клоуна с улыбкой Джульетты Мазины.
 Я знаю, что ты — одинокий волк и только сам свой.
 Мы вернёмся из разных важных дел, встретимся у магазина,
 Купим чего-нибудь к ужину и вместе пойдём домой.

Я — ненадолго, меня так мало осталось!..
 Красная песня моя, моих наваждений дым!
 Я не позволю тебе наблюдать — моё разрушенье, мою старость.
 Последний выплеск света, и останешься вновь своим.

СТИХИ ИЗ КОЛПАКА

А пусть это будет маленький
 В липучем снегу город.
 Как звёзды, висят фонарики,
 А мостовая уходит в гору.

Мы забежим в кофейню
 И кофе закажем с пеной.
 Я буду смешною феей,
 А ты — Питером Пенном.

Подарим друг другу шарики
 И выйдем наружу — в праздник!
 Где тёплые зимние шалости
 Спешат удивить и дразнят.

Где воздух прорыхлен снегом,
 Молочною пеной, вздором!
 А мы, задыхаясь от бега,
 Как отроки, гоним в гору!

Александра Вайс

Потребовалось 35,
 чтобы понять:

о себе заботиться не зазорно.
 35 лет,
 чтобы свой цвет
 волос полюбить. Скажете вздор? Но

так много лет пытаться любовь заслужить,
 чтоб осознать — это врождённое право.
 Освободиться от злости, вины и лжи...
 Всего-то 35 лет, если подумать здраво!

доченька не отходи возьми за ручку
 я боюсь тебя потерять
 не вырывайся не убегай
 посмотри в глаза
 ну же покажи маме глазки
 вот так спасибо
 доченька возьми маму за ручку
 я без тебя всегда теряюсь
 боюсь.

Людмила Свирская

Я перестала успевать
Следить за собственным движеньем.
Я перестала называть
Свою победу — пораженьем.
Я перестала забегать
Вперёд, к развязке детектива.
Я прекратила намекать
И стала резкой и правдивой.
Весна, реви, лети, труби,
Вершись таинственным обрядом!
Я перестала ждать любви.
Люблю теперь того, кто рядом.
Я перестала заносить
Себя в бессчётные анналы.
Мне лишь осталось попросить
Молниеносного финала.

Пришла весна. Проснулись кавалеры.
Дорог и дураков — хоть пруд пруди.
Кошачий месяц, облачный и серый,
Мне ощутимо давит на груди.
Ребятюшки, весна! Но что в ней толку?
Что изменилось в грешном мире сём?
Зимы пергамент свёрнутый — на полку.
Тепло своё, быть может, и спасём.
Кошачьими усами две травинки
Из вазочки с тюльпанами торчат.
Осталось жизни — меньше половинки...
Она распалась ровно год назад.

Валерий Дашкевич

Остановись, мгновенье, ты прошло.
Нет времени понять, что с нами стало.
Стекаем незаметно, как стекло.
Бредем, как заблудившееся стадо.

И всяк в толпе умрёт особняком,
Устав от снов — несбыточных и странных.
В России, где светлело от икон,
Отныне лишь иконки — на экранах.

Их бледный отсвет в мыслях и глазах.
Нерусский слог сквозит в любом глаголе...
И я смотрю, вернувшийся назад,
На эту казнь — зевакой на Голгофе.

Пока страна, вздыхая тяжело,
Спасенья ждет — от Бога ли, царя ли...
Остановись, мгновенье, ты прошло —
Пока мы сдуру вечность примеряли.

Н. В.

Какой нам круг часы натикали —
Считать, пожалуй, нет резона.
Мы были юными и дикими
В стране поющего Кобзона,
С программой «Время» в полдесято
С рассадой буйной в «тетрапаке»...
Быть обещала полосатую
Судьба грядущая во мраке.
Делились юными любовями
В иной стране, на кухне — той же,
Опять оклеенной обоями,
Держащимися чуть подольше.
Сидели вместе у песочницы,
Покуда дети выростали.
И да. И вот. Но так не хочется,
Чтобы последний снег растаял.
Вино крепчает. Пиво пенится.
И остывает блин на блюде.
На свете многое изменится.
На свете многого не будет.
Не сложишь ровными кусочками
Всё своё счастье — по науке...
Но будет новая песочница,
Куда засядут наши внуки.

Вряд ли мудрость значит — старость.
Почечи за ухом монстра,
Прогуляй его на пристань,
На замок его запири.
Для души твоей осталось
Только знание Калиостро,
Только счастье Монте-Кристо
Да полет Экзюпери...

Поиск правды, дух скитаний
И жестокой жажда мести —
Эти юности утехи
Безысходны и глупы.
И когда тебя не станет,
Всё останется на месте —
Войны, споры, ипотеки
И мотельные клопы.

Есть одно, пожалуй, средство
Изменить сей мир немного —
Для себя, не для иного,
Пусть и родственной души.
Но не нужно ухо резать —
Придержи в себе Ван Гога
И оставь в покое Бога...
Просто — мысли запиши

Виолетта Метелица

В моём доме укутанное эхо.
В моём доме.
Я для тебя законченная пьеса
И потому
Я разбираю траурные платья
В шкафах и снах.
Разглаживаю прежние объятия
На рукавах.
И штопаю слова забытых песен.
Пою навзрыд.
Мой мир тебе совсем не интересен,
И он — болит.
Звучит струна тупого ожидания...
И свечи... И вино...
Вот-вот он грянет!..
Но тебя не станет,
Когда случится на большом экране
Моё кино.

Опять открыта смерть,
вмещающая вечность.
Я снова на краю,
боюсь смотреть в провал.
От сквозняков внутри
продрогшая беспечность
В комочек сжалась вся
у скомканных зеркал.

Казалось, больше нет
Ни силы, ни надежды
прощаться и терять,
любить и отпускать.

Воронка — в нас самих,
Закрученная прежде,
Чем боль ввинтили внутрь
Ударами под дых.
Кричанье в пустоту —
Как завыванье ветра.
Переплетенье рук,

ветвей
и после — трав.
Наматывая жизнь
на дни и километры.

Умение летать
под страшное «пиф-паф!».

Холодный коридор.
Протянутые руки
В молитве и мольбе
«Спаси и сохрани!»
В объятиях чужих,
под стонущие звуки
Скулить моей душе,
не ведающей лжи.

— О, яма! Прекрати
заглатывать любимых
Остановись, порвись
мешок забытых лет!
Закрученная жизнь,
как старая пружина,
Сломается вот-вот...
И отражений нет

Михаил Гундарин

Ты помнишь, в пустом кинозале
Проектор туманно мерцал,
Холодную ночь разливали
По нашим печальным сердцам.
Не тьма, но отсутствие света,
Не боль, но печаль ни о чём,
Здесь, в кинотеатре «Комета»,
В паденье любой вовлечён.
Мы врежемся в землю на титрах!
А эти 15 минут
Ещё поучаствуем в играх —
Осколки потом соберут.

города уголки
тают как угольки
не убирай руки

как проступит ожог
читай его между строк
там имена Реки

которую неспроста
держит гранит моста
возле сонного рта

вызвав тот самый час
не открывая глаз
кружится немота

сможешь произнести
высохшее почти
удержаться в горсти

не пролиться в огонь —
не убирай ладонь
не уступай пути!